

Г. Идрисов, С. Синельников-Мурылев

Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать?

В статье рассматриваются существующие противоречия и проблемы российской экономической политики, направленной на ускорение темпов экономического роста. Авторы последовательно рассматривают три компоненты роста (структурную, конъюнктурную российскую и конъюнктурную мировую) и приходят к выводу, что меры экономической политики в настоящий момент могут быть эффективны только в отношении долгосрочной компоненты роста. Основу этих мер, по мнению авторов, составляют бюджетный маневр и реформа бюджетных институтов, совершенствование работы рынков труда и капитала, повышение производительности экономики.

Ключевые слова: долгосрочный экономический рост, совокупная факторная производительность, бюджетный маневр.

JEL: O1, O4, H5, J2.

В публикациях в средствах массовой информации и экономической литературе отсутствует единое мнение о причинах замедления темпов экономического роста в России (наблюдается с конца 2012 г.)¹ и возможных действиях, направленных на преодоление этой тенденции. Индекс промышленного производства составил 100,3% в январе — декабре 2013 г. и в IV квартале 2013 г. по сравнению с аналогичными периодами 2012 г.² В первом полугодии 2013 г. в реальном выражении (без малого бизнеса) инвестиции сократились примерно на 6%. Анализ распределения инвестиций в основной капитал по источникам свидетельствует о том, что в 2013 г. бюджетные инвестиции продолжали расти в номинальном выражении на 20–25%, а собственные и привлеченные инвестиции — лишь на 5–6% в реальном выражении, то

Идрисов Георгий Александрович (idrisov@ier.ru), к. э. н., руководитель направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара (ИЭП), завлабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва); *Синельников-Мурылев Сергей Германович*, д. э. н., проф., ректор Всероссийской академии внешней торговли (Москва).

¹ О роли бюджетной политики в ускорении темпов экономического роста см. в: Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013.

² Информация о социально-экономическом положении России — 2013 г. / Росстат.

есть их рост практически остановился, хотя в 2011–2012 гг. частные инвестиции росли примерно такими же темпами, как и бюджетные, — около 25% в год.

Из-за отсутствия единства во мнениях ведущих российских экономистов и советников руководителей государства об эффективных бюджетных инструментах поддержания и стимулирования экономического роста де-факто отсутствовала и внятная политика обеспечения устойчивого роста, что получило выражение, в частности, в инерционном подходе к составлению бюджета. Несмотря на снижение его доходов, расходы адекватно не уменьшаются. Но произошел фактический отказ от принятого бюджетного правила в части накопления средств в Резервном фонде³. В законе «О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» сохраняется высокий уровень непроизводительных государственных расходов (государственное управление, правоохранительная деятельность, оборона, национальная экономика, за исключением расходов на инфраструктуру⁴) в ущерб производительным расходам на развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение), науку, инфраструктуру.

Представленный в конце декабря 2013 г. на рассмотрение правительства РФ проект Бюджетной стратегии до 2030 г. вполне отвечает требованиям обеспечения макроэкономической стабильности, однако в части формирования долгосрочных ориентиров расходов бюджета оперирует не функциональными статьями бюджетной классификации, а предельными расходами на реализацию государственных программ (и лишь до 2020 г., а на период 2021–2030 гг. приоритеты бюджетной политики не обозначены). Другими словами, важнейшие параметры долгосрочной бюджетной политики — расходы на образование, здравоохранение, национальную оборону и другие статьи — на основе данного документа обсуждать трудно. Однако можно увидеть некоторые очертания функционального распределения расходов и понять, сохранятся ли тенденции 2014–2016 гг. за пределами утвержденного трехлетнего федерального бюджета.

Так, расходы на национальную оборону должны вырасти с 3,1% ВВП в 2013 г. до 3,9% ВВП в 2016 г., причем их доля в общей сумме расходов (не считая условно утвержденных) увеличится с 15,8 до 21,7%. Параметры Бюджетной стратегии позволяют сделать вывод, что данные расходы увеличатся в дальнейшем до 4,3–4,4% ВВП, или до 24–25% от предполагаемого объема программных и непрограммных расходов федерального бюджета в 2017–2020 гг. Расходы на развитие транспортной инфраструктуры в 2014–2016 гг. сократятся примерно на 0,2 п. п. ВВП и станут ниже 1% ВВП. В 2017–2020 гг. предполагается небольшой рост этих расходов приблизительно до уровня

³ Судя по заявлениям министра финансов на Гайдаровском форуме в январе 2014 г., Резервный фонд в 2013 г. пополнен примерно на 200 млрд руб., хотя, по нашим оценкам, соблюдение бюджетного правила предполагает сумму 800–900 млрд руб. По всей видимости, разница пошла на компенсацию выпадающих доходов федерального бюджета.

⁴ Подробнее см. в: Devarajan et al., 1997; Blankenau, Simpson, 2004; IMF, 1995; European Commission, 2012.

2014 г. в долях ВВП. Расходы на образование останутся примерно на существующем номинальном уровне, к 2016 г. снизившись с 1,0 до 0,74% ВВП. В дальнейшем, в 2017–2020 гг., они должны еще немного уменьшиться в долях ВВП. Таким образом, структурный бюджетный маневр, обсуждаемый ниже, данным документом не предусматривается.

Структурная и конъюнктурная составляющие экономического роста и причины его замедления⁵

Для анализа и разработки мер экономической политики в мировой практике широко используют разложение фактических темпов экономического роста на структурную и циклическую составляющие. С учетом высокой зависимости российской экономики от конъюнктуры мировых рынков сырья и энергоносителей к составляющим такого разложения целесообразно добавить компоненту роста, определяемую условиями внешней торговли.

Несколько упрощая, можно сказать, что структурная (потенциальная) составляющая роста — это теоретически возможные его темпы в средней фазе бизнес-цикла и при средних за 15–20 лет ценах на нефть, то есть обусловленные как вовлечением в производство дополнительного труда и капитала, так и увеличением их эффективности. По оценкам Института экономической политики имени Е. Т. Гайдара⁶, в 1999–2008 гг. в России структурная компонента темпов роста ВВП составляла около 4–5 п. п. Конъюнктурная компонента, обусловленная российским бизнес-циклом, изменялась в этот период в диапазоне от –1,5 до 4 п. п., а циклическая компонента, связанная с условиями внешней торговли (в основном с изменением цен на энергоносители и сырье), — от 0 до 2 п. п.

В период мирового кризиса 2008–2009 гг. компонента бизнес-цикла в широком смысле (включая внешнеэкономический шок) стала отрицательной, снизившись примерно до –13 п. п. (такое сокращение реального ВВП было вызвано, в частности, экспортной специализацией российской экономики на сырье, энергоносителях и товарах инвестиционного спроса). Однако за счет быстрого восстановления цен на энергоносители и сырье (вклад, определяемый условиями внешней торговли, составил около 1 п. п.) падение российского ВВП оказалось не столь значительным. Фактически реальный ВВП снизился на 7,5% (4,5 п. п. – 13 п. п. + 1 п. п. = –7,5 п. п.).

В 2010–2012 гг. российская циклическая компонента была отрицательной и составляла около –1 п. п. Рост ВВП, близкий к структурным темпам роста (3,4%), определялся высоким уровнем конъюнктуры мирового рынка сырья и энергии, который компенсировал отрицательный вклад российских циклических факторов (около +1 п. п.).

⁵ См.: Durlauf et al., 2005; Rodrik, 2005; Мокыр, 2005; Казакова, Синельников-Мурылев, 2009.

⁶ Представленные оценки выполнены авторами совместно с С. Дробышевским и М. Казаковой по методологии ОЭСР (подробнее см.: Giorno et al., 1995).

В 2012–2013 гг. фактические темпы экономического роста находились на уровне около 1,5%. Структурная составляющая снизилась примерно до 2,5 п. п., составляющая российского бизнес-цикла равнялась –2,0 п. п., мировая конъюнктура обеспечивала +1 п. п. Разрыв в выпуске (разница между фактическими и структурными темпами роста) составил –1 п. п.

Таким образом, в 1999–2013 гг. структурная составляющая роста снижалась: +5 п. п. в 2000-е годы; +3–4 п. п. с 2009 до середины 2012 г. включительно; +2,5 п. п. со второй половины 2012 до конца 2013 г. В 2014 г., по нашим оценкам, она может составить менее 2 п. п., то есть разрыв в выпуске станет близким к нулю.

Конъюнктура мировых рынков сырья и энергоносителей в целом пока благоприятная для России (в противном случае рост был бы отрицательным уже в 2009–2010 гг.). Не просто высокие, а постоянно растущие цены на нефть⁷, с одной стороны, приводили к увеличению российского выпуска в физическом выражении за счет роста сектора добычи нефти (в котором формировались стимулы к разработке новых месторождений) и смежных отраслей (спрос на продукцию которых формирует сектор добычи нефти или предъявляют граждане с растущими доходами)⁸. С другой стороны, в условиях роста цен на энергоносители повышалась оценка российского выпуска в номинальном выражении относительно других стран: ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах вырос с 6,8 тыс. долл. в 2000 г. до 23,5 тыс. долл. в 2012 г., то есть почти в 3,5 раза.

В 2000-е годы за счет роста физического объема производства и пятикратного повышения стоимости нефти Россия из группы стран с доходами ниже среднемирового перешла в группу стран с высокими доходами, что позволило существенно повысить потребление товаров и услуг на душу населения в физическом выражении⁹. Сказанное означает, что в 2000–2012 гг. Россия благодаря улучшению условий торговли стала «богаче» за счет не только роста физического объема производства товаров и услуг, но и более высокой оценки отечественных товаров на мировом рынке.

Две другие компоненты роста — российский бизнес-цикл и структурная — в данном периоде также играли заметную роль. Причем российский бизнес-цикл в 2008–2013 гг. находился под значительным влиянием мирового кризиса, усиливающим общий пессимизм экономических агентов. Структурная составляющая роста (определяется взвешенным ростом факторов производственной функции — труда, капитала и их эффективности) изменялась в России под влиянием

⁷ До 2012 г., когда они практически остановились на уровне 100–110 долл./барр. нефти Brent в Европе.

⁸ Количественные оценки данного эффекта приведены выше: это вклад мировой конъюнктуры в российский экономический рост.

⁹ Показатель валового внутреннего дохода (GNI) на душу населения по ППС в постоянных ценах 2005 г., который отражает рост потребления и сбережений в физическом выражении, вырос с 8,4 тыс. долл. в 2000 г. до 14,5 тыс. долл. в 2012 г. При этом потребление на душу населения в странах с высокими доходами выросло с 27,7 тыс. до 32,1 тыс. долл. Следовательно, за 2000–2012 гг. жители РФ стали потреблять в физическом выражении на 73% больше, а в высокоразвитых странах — только на 16% больше.

условий и проблем, характерных для стран, экономический рост которых в значительной степени связан с доходами от сырьевого экспорта. Феномен более медленного роста стран и регионов, обладающих большими запасами природных ресурсов, по сравнению со странами, не имеющими их, получил название «ресурсного проклятия». Оно проявляется в «голландской болезни», при которой рост реального обменного курса приводит к угнетению всех торгуемых секторов экономики за исключением добывающего, и в ухудшении качества общественных институтов, обеспечивающих функционирование экономики¹⁰.

За последние 15 лет благодаря высоким ценам на сырье и энергоносители, росту реальных доходов и уменьшению разрыва между номинальным курсом рубля и паритетом покупательной способности для России, с точки зрения международной конкурентоспособности, стали характерны высокая зарплата и плохие институты¹¹. Это соотношение, часто называемое «ловушкой средних доходов», препятствует инвестициям и ограничивает возможности экономического роста. Растет доля зарплаты в ВВП (с 40% в 2000 г. до 50% в 2012 г.) и снижается доля прибыли (с 43% в 2000 г. до 30% в 2012 г.). Причем рост зарплат опережает динамику ВВП и производительности труда. Необходимое условие выхода из этой ловушки — повышение производительности факторов производства, в том числе за счет реформы рынков труда и капитала.

В сложившейся ситуации динамичный рост заработной платы, не отражающий рост производительности, происходит неравномерно как в территориальном, так и в отраслевом разрезе. Достаточно очевидны локальные «точки роста»: центральные регионы России (в первую очередь Москва), добывающие секторы экономики и сфера финансового посредничества. Как следствие, приходится расширять государственное вмешательство в экономику, что, в свою очередь, искажает рыночные сигналы, ослабляет конкуренцию и замедляет проведение структурных изменений, ведет к распространению рентоориентированных стратегий, росту коррупции, неэффективности государственного сектора и дальнейшему углублению неравномерности в распределении доходов и богатства¹².

Описанные тенденции, характерные для многих стран, в совокупности с исчерпанием возможностей вовлечь в производство дополнительную рабочую силу приводят к серьезному замедлению экономического роста. Исходя из представленного выше разложения темпов экономического роста на три составляющие (структурную, конъюнктурную, связанную с условиями торговли, и циклическую), можно сгруппировать возможные меры экономической политики, направленные на ускорение экономического роста.

Конъюнктурная компонента роста формируется под влиянием внешних факторов, воздействовать на которые руководство России не

¹⁰ Подробнее см.: Auty, 1993; Sachs, Warner, 1995; 1997; Sala-i-Martin, 1997; Gylfason, 2007; Mehlum et al., 2006; Treisman, 2010; Кнобель, 2013.

¹¹ Подробнее см.: May, 2012; 2013; Griffith, 2011; Aiyar et al., 2013.

¹² Helpman, 2004.

может. Страна с незначительными масштабами производства и торговли, как правило, не способна влиять на внешнеэкономическую конъюнктуру (условия торговли).

Составляющую российского бизнес-цикла во многих случаях можно скорректировать за счет внутренней контрциклической государственной политики. Кризис 2008—2009 гг. Россия прошла без существенных социальных и политических потерь в большой степени благодаря накопленным резервам и возможности стимулировать развитие экономики за их счет. Однако в текущей макроэкономической ситуации ни меры бюджетной, ни меры монетарной политики не эффективны. Бюджетная политика не приносит результатов, так как наблюдающийся в настоящее время разрыв в выпуске, во-первых, невелик и, во-вторых, его наличие — необходимое, но не достаточное условие эффективности стимулирующей политики. О ее неэффективности свидетельствуют оценки мультипликаторов бюджетных расходов, которые, по нашим и другим расчетам, не просто небольшие, а меньше 1¹³. Экспансионистская монетарная политика не работает в силу низкого реального процента по кредитам нефинансовому сектору¹⁴ и одновременно высоких и нестабильных инфляционных ожиданий. Поэтому государство может влиять лишь на структурную составляющую роста.

Неоклассическая экономическая теория в качестве факторов производственной функции (выпуска экономики) рассматривает труд, капитал и их совокупную факторную производительность¹⁵. При этом долгосрочный экономический рост в отдельных странах и различия в уровне экономического развития между странами нельзя объяснять различным объемом используемых факторов производства — труда и капитала. Только с учетом их качества можно приблизиться к объяснению причин разной экономической динамики¹⁶.

Следовательно, для обеспечения долгосрочного экономического роста, во-первых, необходимы эффективные вложения в человеческий капитал, то есть в образование (школьное, высшее, в течение жизни, на рабочем месте), здравоохранение и физическую культуру, а также действенная внутренняя и внешняя миграционная политика. Во-вторых, надо создавать предпосылки для эффективных частных вложений в производственный капитал (формировать институты, способствующие росту, включая последовательную и предсказуемую экономическую политику) и совершенствовать модели государственного инвестирования. В-третьих, важно обеспечивать условия для повышения отдачи от частных инвестиций (совокупная факторная производительность), включая бюджетные расходы на развитие инфраструктуры и науки, а также меры, направленные на более тесную интеграцию страны в мировую экономику.

¹³ Например, см.: Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013; Дробышевский, Назаров, 2012; Юдаева, 2011; Mountford, Uhling, 2008; Monacelli, Perotti, 2008; Blanchard, Perotti, 2002; Perotti, 2004; Giardano et al., 2008.

¹⁴ Ставка по кредитам нефинансовому сектору была отрицательной в 2007 и 2008 гг.: -2 и -1% соответственно; потом положительной: в 2010 г. — 2%, в 2011 г. — 2,3, в 2012 г. — 3,2%.

¹⁵ Подробнее см.: Solow, 1957; Helpman, 2004; Энтов и др., 2006 и др.

¹⁶ Подробнее см.: Ito, 2000; Barro, Sala-i-Martin, 1992; Истерли, 2006; Helpman, 2004.

Институты и инвестиционный климат

Институциональные структуры, прежде всего права собственности и права (обязанности), фиксируемые системой контрактов, выступают наиболее важным источником долгосрочного экономического роста¹⁷. Главным каналом связи между институтами и экономическим ростом служат инвестиции в физический и человеческий капитал, которые крайне чувствительны к качеству институциональной среды. Общественные институты определяют и объем ресурсов, которые расходуют экономические агенты (включая государство) на цели развития, и результаты, получаемые в итоге, то есть эффективность инвестиций в развитие. О важности реформирования бюджетных институтов для поддержания долгосрочного устойчивого экономического роста в российской и зарубежной литературе сказано немало¹⁸, поэтому здесь мы рассмотрим только один аспект этой темы — необходимость обеспечить определенность (последовательность и предсказуемость) проводимой экономической политики.

Названные качества экономической политики — важные составляющие инвестиционного климата. На практике решения в области экономической политики в Российской Федерации постоянно пересматриваются, и ни одна государственная инициатива не реализуется до конца. В общественном сознании большинство начинаний государства в последние годы стало ассоциироваться с кампанейщиной. В 2000-е годы быстро входили в моду и выходили из нее такие инициативы, как внедрение программно-целевого планирования, осуществление дерегулирования, внедрение бюджетирования, ориентированного на результат, стимулирование инноваций, реализация приоритетных национальных проектов, разработка «дорожных карт» для проведения приоритетных преобразований, которая ведется и в настоящее время, и др.

Показательный пример — пенсионная реформа. Она активно осуществляется уже больше десяти лет, начиная с введения единого социального налога в 2001 г. За это время ежегодно принимались противоречащие друг другу решения: накопительная составляющая взносов вводилась для граждан всех возрастов, затем для некоторых категорий граждан старших возрастов она отменялась, для остальных — регулярно меняется¹⁹, теперь замораживается на период реструктуризации негосударственных пенсионных фондов. Одновременно

¹⁷ Подробнее см.: Acemoglu et al., 2005; Энтов и др., 2006.

¹⁸ Подробнее см.: Tanzi, Zee, 1997; IMF, 1995; World Bank, 2006; 2007; 2013; Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013.

¹⁹ Для мужчин 1952 г. р. и старше и женщин 1956 г. р. и старше с 2002 г. по настоящее время ставка на накопительную часть равна 0; для мужчин 1953–1966 г. р. и женщин 1957 по 1966 г. р. ставка на накопительную часть с 2002 по 2004 г. — 2%, с 2005 г. по настоящее время — 0; для граждан 1967 г. р. и моложе с 2002 по 2003 г. — 3%, в 2004–2007 гг. — 4, с 2008 по 2013 г. — 6%. В 2014–2015 гг. предоставлена возможность выбрать вариант пенсионного обеспечения в системе обязательного пенсионного страхования: либо оставить 6% тарифа страховых взносов на накопительную часть пенсии, либо отказаться от дальнейшего формирования накопительной части пенсии, тем самым направив все страховые взносы на формирование страховой части пенсии.

постоянно изменяются ставки начислений на заработную плату: сначала единого социального налога, затем отчислений в социальные фонды²⁰.

Если государство стремилось полностью лишить граждан возможности выстроить индивидуальную пенсионную стратегию, то эта задача была «успешно» решена. Вера граждан в то, что они могут рассчитывать на стабильность «правил игры» в области пенсионной системы, полностью подорвана. При этом никто из разработчиков изменений не знает ответа на главный вопрос: что делать с дефицитом пенсионной системы (3–4% ВВП), который из-за демографических проблем (рост доли граждан старших возрастов в общей численности населения²¹) будет в ближайшие десятилетия возрастать? Соответственно нужно решить, что лучше: потерять 10–15 п. п. коэффициента замещения (сегодня отношение средней пенсии к средней зарплате равно примерно 35%), но сохранить дефицит пенсионной системы на нынешнем уровне, или обеспечить коэффициент замещения 40%, увеличив дефицит до 5% ВВП к 2020 г.?

В настоящее время правительство РФ практически осуществило переход к набору параметрических реформ, включая введение новой пенсионной формулы²². Разработанные меры по реформированию пенсионной системы кардинально ситуацию не меняют: к 2030 г., по нашим оценкам, дефицит пенсионной системы сократится до 2% ВВП, но одновременно снизится коэффициент замещения на 15 п. п. В целом это действия в правильном направлении, но они не решают полностью проблему дефицита пенсионной системы. Достичь такую цель можно, либо повысив пенсионный возраст, либо снизив норму замещения, либо введя частичную дифференциацию пенсий (нормы замещения) в зависимости от возраста. При этом предлагаемое практически равномерное по возрастам снижение нормы замещения без повышения пенсионного возраста — не лучший вариант, поскольку тогда пенсии получают как те, кто действительно не может работать (пенсионеры старших возрастов), так и те, кто еще работать может (60–65-летние, не говоря о тех, кто досрочно вышел на пенсию). Такой подход не справедлив в отношении пенсионеров старших возрастов, которым объективно нужно больше средств для нормальной жизни.

²⁰ С 2001 по 2009 г. действовала регрессивная шкала ЕСН с базовой ставкой 35,6% (ставки для последующих шедулей — групп налогоплательщиков по годовой величине налоговой базы — 20%, 10 и 5%, с 2002 г. предельная ставка была снижена с 5 до 2%, то есть более высокие доходы облагались по меньшей ставке), с 2005 г. базовая ставка была снижена до 26% (ставки для последующих шедулей — 10 и 2%). В 2010 г. ЕСН был заменен на страховые взносы без изменения ставок и регрессивной шкалы. С 2011 г. совокупная ставка страховых взносов была увеличена до 34%, при этом база для начисления взносов была ограничена 135% от средней заработной платы (по сути, была установлена предельная ставка 0 для второго шедуля). После этого было принято решение на период 2012–2016 гг. понизить базовую ставку до 30% для первого шедуля и повысить до 10% для второго (предельная ставка стала 10% вместо 0). При этом потери Пенсионного фонда за счет установления пониженной ставки компенсируются за счет трансфертов из федерального бюджета.

²¹ Согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата до 2030 г., доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения увеличится с 23% в 2013 г. до 26 в 2020 и 29% в 2030 г. (на начало года) (www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm).

²² В конце декабря 2013 г. новую пенсионную формулу одобрил Совет Федерации РФ.

Для разработки непротиворечивой реформы пенсионной системы необходимо решить и другие важные вопросы. Так, не вполне очевидно, нужна ли государственная система пенсионных накоплений, при которой государство собирает и сберегает взносы граждан, одновременно занимая средства на финансовых рынках. Серьезным аргументом в защиту такой системы может быть такое соображение: у граждан другое отношение к накоплению пенсионных взносов по сравнению с уплатой налогов в рамках распределительной системы, поэтому легче администрировать накопительные взносы, чем дополнительные налоги. Однако эта гипотеза не проверена эмпирически, а теория говорит о существовании эффекта «близорукости» налогоплательщиков. Другой аргумент в пользу государственной системы пенсионных накоплений заключается в создании источника «длинных» денег для инвестирования. Однако не надо забывать о больших административных издержках на функционирование накопительной системы по сравнению с распределительной и возможности потерять средства первой в связи с колебаниями экономической конъюнктуры.

Необходимо также обсудить вопрос о трансформации в долгосрочной перспективе пенсионной системы в систему пособий по бедности, при которой право на получение государственной пенсии должно быть увязано с нуждаемостью граждан. Разумеется, речь идет о далеком будущем, когда рост благосостояния граждан позволит значительной части населения обходиться без государственной пенсионной системы и обеспечивать нормальный уровень благосостояния в старости за счет собственных сбережений, в том числе в негосударственных пенсионных фондах, и помощи трудоспособных членов семьи. Также следует обсудить вопрос о целесообразности выплаты пенсий работающим пенсионерам. Более частный вопрос: должны ли в накопительной системе взносы отдельных граждан наследоваться или в пенсионной системе нужно использовать страховые принципы разделения рисков? Очевидно, что наследование создает большие стимулы к накоплениям, однако функционирование накопительной системы на страховых принципах проще в администрировании и экономичнее с точки зрения величины взносов, чем накопительной системы с элементом наследования.

Еще один яркий пример непоследовательности и непредсказуемости в экономической политике — реструктуризация бюджетной сферы и внедрение нормативно-подушевого финансирования предоставления услуг социального характера. Цель преобразований в этой сфере состояла в реструктуризации бюджетной сети, в повышении самостоятельности организаций и введении некоторой конкурентности, основанной на принципе «бюджетные деньги следуют за получателем услуги».

Однако на практике не сделано ничего в плане осмысленной реструктуризации бюджетной сети, необходимые стране учреждения экономически «вымываются» за счет недофинансирования. Нормативное регулирование деятельности автономных учреждений фактически слилось с регулированием бюджетных учреждений, смета доходов и расходов, по которой финансируются учреждения, косметически преобразовалась в план финансово-хозяйственной деятельности. Нормативы финансирования, особенно в сфере высшего образова-

ния, используются преимущественно для того, чтобы дать меньше бюджетных средств сильным организациям и больше — слабым без проведения каких-либо преобразований²³.

Министр образования и науки, выступая перед депутатами Государственной думы РФ, говорит о недопустимости повышения зарплаты в вузах при увеличении преподавательской нагрузки. Президент РФ ставит задачу обеспечить рост зарплаты, обусловленный проведением реформ, то есть в том числе увеличением педагогической и другой нагрузки. Президент РФ в условиях экономической нестабильности, начиная с 2009 г., требует заморозить цены на образовательные услуги, а Минобрнауки РФ и Минфин РФ, весьма вольно интерпретируя законодательство²⁴, настаивают на установлении платы за обучение внебюджетных студентов на уровне не ниже норматива бюджетного финансирования²⁵. Цели улучшения положения вузов в рейтингах противоречат утвержденным «дорожным картам» развития учреждений, требующим, в частности, увеличить число студентов, приходящихся на одного преподавателя. Согласно указу Президента РФ от 7 мая 2012 г., оплата труда преподавателей вузов должна в два раза превышать среднюю зарплату в соответствующих регионах. При этом введение единых нормативов бюджетного финансирования не учитывает межрегиональные различия в заработной плате и т. п. Ни в одной стране государство за счет средств бюджета не закупает по единой цене (покрывающей все текущие и капитальные расходы) услуги образования. Нормативно-подушевое финансирование — один из важных, но не единственный инструмент финансового планирования.

В результате подобной неразберихи решения о том, сколько и каких социальных услуг, в том числе высшего образования (ставшего в Российской Федерации социальной нормой), нужно России, принимают чиновники на уровне департаментов Минобрнауки и Минфина РФ, а не высшее руководство страны. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что концепция реформы бюджетной сферы на самом деле отсутствует.

Так, в высшем образовании необходимо разработать, апробировать, обсудить и утвердить на уровне политического руководства страны последовательность и этапы преобразований. Попытки внедрить нормативно-подушевое финансирование без предварительной реструктуризации сети вузов обречены на провал. Изменять систему и объемы финансирования невозможно, не решив вопрос о том, действительно ли российской экономике не нужны так называемые неэффективные и (или) мало востребованные вузы. Очевидно, что экономика не может обойтись без инженеров-машиностроителей, текстильщиков, инженеров по водоснабжению и канализации, агрономов, ветеринаров, гидрометеорологов, а также квалифицированных рабочих разных специальностей и т. д. Соответственно финансирование образования должно основываться на детализированном прогнозе потребностей экономики в таких кадрах. Возлагать эту задачу на «невидимую руку рынка» не следует: могут возникнуть значительные динамические

²³ Клячко, Синельников-Мурылев, 2012а; 2012б.

²⁴ Статья 9.2 Федерального закона № 7-ФЗ от 12 января 1996 г. (в редакции от 01.09.2013 г.) о предоставлении организацией бюджетных услуг на одинаковых для получателей условиях, на наш взгляд, говорит о недопустимости ценовой дискриминации потребителей, а государство, выделяя учреждению средства по нормативу, в принципе, не покупает услуги, а осуществляет финансирование социальной сферы.

²⁵ Клячко, Синельников-Мурылев, 2012б.

потери общественного благосостояния. Необходимо определить, что делать с неэффективными вузами: или оставить медленно деградировать при снижении финансирования (как происходит сейчас), или закрыть и открыть новые, или заменить их руководство и выделить дополнительное финансирование для оздоровления вузов.

Первоочередные направления экономической политики

Бюджетный маневр. В странах с такой структурой бюджетных расходов, как в России, никогда, насколько известно, темпы роста не бывают достаточными для догоняющего развития, то есть конвергенции темпов экономического роста, не говоря об уровнях экономического развития, с развитыми странами²⁶. В отличие от вложений в физический капитал, где задача государства состоит в обеспечении необходимых институциональных условий для частных инвестиций, его роль в развитии человеческого капитала и производственной инфраструктуры преобладающая. Согласно экономической теории, вследствие значительных экстерналий могут возникать «провалы рынка», и без государственного регулирования и существенных вложений он не может обеспечить общественно оптимальный объем предоставления услуг образования, здравоохранения, научных исследований. Поэтому вызывает серьезные опасения резкое увеличение расходов на национальную оборону за 2007–2012 гг. (на 0,3 п. п. ВВП — до 3% ВВП), национальную безопасность и правоохранительную деятельность (на 0,3 п. п. ВВП — до 3,1% ВВП) в ущерб росту расходов на социальные цели (расходы на образование и здравоохранение постоянные и находятся примерно на уровне 4,2 и 3,7% ВВП соответственно) и развитие транспортной и производственной инфраструктуры (сокращение за счет этих статей раздела «Национальная экономика» на 0,2 п. п. ВВП — с 5,5 до 5,3% ВВП)²⁷.

Представляется, что высказанных соображений достаточно, чтобы в качестве основного направления долгосрочной бюджетной политики рассматривать именно изменение структуры государственных расходов. Для этого можно осуществить маневр в бюджетной политике, то есть перераспределить государственные расходы от статей, не способствующих или мало способствующих экономическому росту (сверх определенного предела), — национальной обороны, правоохранительной деятельности, государственного управления, — в пользу расходов, обеспечивающих рост, — образования, здравоохранения, производственной инфраструктуры. Вложения средств в эти отрасли нельзя интерпретировать как расходы, необходимые из социальных соображений, или как дополнение к оказанию социальных услуг на рынке — их следует рассматривать как вложения в долгосрочный экономический рост.

²⁶ Подробнее см.: Barro, Sala-i-Martin, 1992; Гайдар, 2005; Идрисов, Синельников, 2013; Дробышевский и др., 2011; Кнобель, Соколов, 2012.

²⁷ Подробнее см.: Идрисов, Синельников-Мурылев, 2013. Как показывает приведенная авторами статистика по структуре расходов расширенного правительства в России, ЕС и США, в РФ она существенно перекошена в сторону непроизводительных расходов.

Разумеется, в условиях снижения доходов государства проведение такого бюджетного маневра в пользу производительных расходов сталкивается с серьезными ограничениями: его надо осуществлять на фоне сокращения общего объема расходов бюджета расширенного правительства, что политически весьма болезненно. Однако можно использовать номинальный рост экономики и, сохраняя на текущем уровне непроизводительные расходы, увеличивать статьи производительных²⁸.

С точки зрения *развития рынка труда* необходимо прежде всего разработать стратегию оптимизации занятости и оплаты труда в бюджетном секторе (устранение искажений, вызванных ускоренным ростом заработной платы в нем), повысить гибкость рынка труда, подготовить концепцию и принять новый Трудовой кодекс, отвечающий реалиям современной экономики. Основное направление изменений в регулировании трудовых отношений — обеспечение их большей гибкости за счет широкого использования срочных контрактов; облегчения процедур найма и увольнения работников; существенного расширения оснований для заключения срочного трудового договора; упрощения процедур изменения условий трудового договора и его прекращения по экономическим причинам; создания эффективных процедур, позволяющих пересмотреть заработную плату работника в период экономической нестабильности предприятий; упрощения кадрового делопроизводства.

Важно снизить долю неформальной занятости, в том числе внедряя упрощенные режимы налогообложения для микропредприятий и самозанятых. Необходимо повышать информационную прозрачность рынка труда на основе разработки системы оценки его состояния и перспектив развития, в том числе его отдельных сегментов, а также создания эффективной и доступной системы информирования работодателей, работников и образовательных учреждений о количественных и качественных характеристиках спроса на рабочую силу и ее предложения. Нужно преодолеть усиливающиеся негативные демографические тенденции (увеличение выбытия из состава трудовых ресурсов опытных работников при снижении притока молодежи) путем реализации мер, существенно повышающих возможность и масштабы межрегиональной и межстрановой мобильности рабочей силы и высвобождения трудовых ресурсов из отраслей национальной обороны, правоохранительной деятельности, государственного управления, где в настоящее время они используются непроизводительно.

Для развития *рынка капитала* необходимо принять меры по поддержке малого и среднего предпринимательства. Важно снизить риски ведения бизнеса, связанные с возможностью использовать формальные поводы для неправомерной остановки предпринимательской деятельности (со стороны регулирующих и правоохранительных органов),

²⁸ При темпах роста 2% ВВП и дефляторе ВВП (рост цен) около 4% в год, не увеличивая непроизводительные статьи государственных расходов в номинальном выражении, можно сократить реальные непроизводительные расходы на 3 п. п. ВВП и увеличить на эту же величину производительные в течение 4–6 лет.

уменьшить регуляторную нагрузку на бизнес и излишнее бремя из-за неверного стимулирования к правоприменению государственных органов (существующая система требует от контрольно-надзорных органов возбуждать дела, выписывать штрафы и т. д., не уделяя должного внимания обоснованности подобных действий и их последствиям). Кроме того, надо совершенствовать антимонопольную политику и регулирование естественных монополий, включая реформу таких институтов исполнительной власти, как ФАС и ФСТ.

Безусловным приоритетом должна стать реализация мер по улучшению позиции России в рейтинге Doing Business. В первую очередь нужно улучшить позиции, по которым Россия отстает больше всего (например, с межстрановым ранкингом менее 100): «получение разрешений на строительство», «подключение к системе электроснабжения», «кредитование», «защита инвесторов», «международная торговля». Для этого можно во всех регионах Российской Федерации внедрить лучшие российские практики²⁹.

Одной из важных мер по развитию малого и среднего бизнеса будет организация «кредитной фабрики» (системы упрощенного получения кредитов малыми и средними предприятиями), которая могла бы рефинансировать кредиты, предоставлять гарантии по ним и субсидии на компенсацию части процентной ставки. (Правительство РФ одобрило идею создания Агентства кредитных гарантий 5 февраля 2014 г.) Перечисленные меры уже в среднесрочной перспективе позволят улучшить инвестиционный климат, будут способствовать эффективному вовлечению производственного капитала в экономику.

Для повышения эффективности *использования капитала и труда (совокупной факторной производительности)* необходимо принять меры, направленные на сдерживание роста издержек предприятий (в первую очередь естественно-монопольных секторов), либерализацию секторов, не являющихся по своей природе естественно-монопольными (услуги связи, теплоэнергетика, некоторые услуги в морских портах), сбалансированное развитие транспортной и социальной инфраструктуры (устранение «узких мест»), в том числе за счет развития эффективных форм государственно-частного партнерства.

Важно продолжить интеграцию России в мировую экономику, что позволит повысить эффективность производства за счет улучшения аллокации ресурсов и реализации сравнительных преимуществ российских производителей. Это подразумевает общую либерализацию внешней торговли, включая снижение уровня тарифной и нетарифной защиты и упрощение процедур экспорта и импорта. Необходимо разработать меры с целью снизить чувствительность российской экономики к колебаниям конъюнктуры сырьевых рынков путем ее диверсификации, в том числе на основе разработки не запрещенных ВТО инструментов поддержки обрабатывающих отраслей. В связи с этим важно определить приоритеты и целевые ориентиры развития

²⁹ Рейтинг Doing Business по России рассчитывается по г. Москве. По нашим оценкам, только благодаря использованию в столице лучших российских практик позиции страны в рейтинге существенно улучшатся, и она переместится с 92-го на 64-е место.

несырьевого экспорта, предоставить ему организационную, информационную и финансовую поддержку.

Надо и дальше совершенствовать *бюджетные институты с точки зрения модели государственного инвестирования*. Инвестиционные решения должны приниматься с учетом стоимости последующего содержания и эксплуатации создаваемых объектов. Целесообразно перейти к финансированию инвестиционных проектов по этапам их реализации вместо привязки бюджетирования к заранее установленным календарным срокам. Нуждается в реорганизации сеть государственных предприятий, функционирующих не в стратегических отраслях и существенно искажающих рыночные условия, с поэтапным отказом от финансовой поддержки убыточных предприятий с государственным участием в капитале.

В числе важных мер, имеющих целью сократить необоснованное субсидирование экономики, выделим поэтапное изменение подходов к формированию доходной части бюджета за счет нефтегазовых доходов. Применение экспортных пошлин для изъятия природной ренты приводит к занижению цен на энергоресурсы. В результате субсидирование экономики составляет около 4% ВВП³⁰. При этом, как показывает анализ, не столько стимулируется производство конкурентоспособной продукции и субсидируются конечные потребители энергоресурсов, сколько покрывается неэффективность производителей, прежде всего в нефтепереработке, использующих убыточные — при их оценке в мировых ценах — технологии.

В заключение отметим, что в условиях, когда ни одна государственная инициатива за прошедшие годы не была реализована до конца, позитивная программа институциональных преобразований должна быть детально проработана. Нужно тщательно взвесить все «за» и «против», определить наиболее эффективные инструменты достижения поставленных целей и обеспечить четкий контроль на этапе их реализации.

Список литературы

- Гайдар Е. Т. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 3-е изд. М.: Дело. [Gaidar E. T. (2005). A Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History. Moscow: Delo.]
- Дробышевский С., Назаров П. (2012). Оценка бюджетного и налогового мультипликатора в Российской Федерации. Мimeo. М.: РАНХиГС. [Drobyshevsky S., Nazarov P. (2012). Estimating Budget and Tax Multiplier in Russia. Mimeo. Moscow: RANEPА Publ.]
- Дробышевский С., Синельников-Мурылев С., Соколов И. (2011). Эволюция бюджетной политики России в 2000-е годы: в поисках финансовой устойчивости национальной бюджетной системы // Вопросы экономики. № 1. С. 4–25. [Drobyshevsky S., Sinelnikov-Murylev S., Sokolov I. (2011). Transformation of Budgetary Policy in Russia during the 2000s: in Quest of National Fiscal Sustainability // Voprosy Ekonomiki. No 1. P. 4–25.]

³⁰ Подробнее см.: Идрисов, Синельников-Мурылев, 2012.

- Идрисов Г., Синельников-Мурылев Г. (2012). Модернизация или консервация: роль экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты // Экономическая политика. № 3. С. 5–19. [Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. (2012). Modernization or Conservation: the Role of Export Duties on Oil and Oil Products // Ekonomicheskaya Politika. No 3. P. 5–19.]
- Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. (2013). Бюджетная политика и экономический рост // Вопросы экономики. № 8. С. 35–59. [Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. (2013). Budget Policy and Economic Growth // Voprosy Ekonomiki. No 8. P. 35–59.]
- Истерли У. (2006). В поисках роста. Приключения и злоключения экономистов в тропиках. М.: Институт комплексных стратегических исследований. [Easterly W. R. (2006). The Elusive Quest for Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics. Moscow: Institute for Complex Strategic Studies.]
- Казакова М. В., Синельников-Мурылев С. Г. (2009). Конъюнктура мирового рынка энергоносителей и темпы экономического роста в России // Экономическая политика. № 5. С. 118–135. [Kazakova M., Sinelnikov-Murylev S. (2009). Economic Situation on the World Energy Carriers Market and Rates of Economic Growth in Russia // Ekonomicheskaya Politika. No 5. P. 118–135.]
- Клячко Т., Синельников-Мурылев С. (2012а). О реформировании системы финансирования вузов // Вопросы экономики. № 7. С. 133–146. [Klyachko T., Sinelnikov-Murylev S. (2012a). About the Higher Education Financial Reform // Voprosy Ekonomiki. No 7. P. 133–146.]
- Клячко Т., Синельников-Мурылев С. (2012б). О нормативах бюджетного финансирования и регулирования величины платы за обучение в государственных вузах // Экономическая политика. № 6. С. 137–164. [Klyachko T., Sinelnikov-Murylev S. (2012b). On Standards of Budget Funding and Adjusting the Fees in State Universities // Ekonomicheskaya Politika. No 6. P. 137–164.]
- Кнобель А. Ю., Соколов И. А. (2012). Оценка бюджетной политики РФ на среднесрочную перспективу // Экономическое развитие России. № 12. С. 23–32. [Knobel A., Sokolov I. (2012). Assessment of Russian Budget Policy System in the Medium Term Perspective // Ekonomicheskoe Razvitie Rossii. No 12. P. 23–32.]
- Кнобель А. (2013). Риски бюджетной политики в странах, богатых природными ресурсами // Экономическая политика. № 5. С. 29–38. [Knobel A. (2013). The Risks of Fiscal Policy in Countries Rich in Natural Resources // Ekonomicheskaya Politika. No 5. P. 29–38.]
- Май В. (2012). Экономика и политика в 2011 году: глобальный кризис и поиск новой модели роста // Вопросы экономики. № 2. С. 4–26. [Mau V. (2012). Economy and Policy in 2011: Global Crisis and Search for a New Model of Growth // Voprosy Ekonomiki. No 2. P. 4–26.]
- Май В. (2013). Между модернизацией и застоем: экономическая политика 2012 года // Вопросы экономики. № 2. С. 4–23. [Mau V. (2013). Between Modernization and Stagnation: Economic Policy in 2012 // Voprosy Ekonomiki. No 2. P. 4–23.]
- Энтов Р., Радыгин А., Межераупс И., Швецов П. (2006). Корпоративное управление и саморегулирование в системе институциональных изменений. М.: ИЭПП. [Entov R., Radygin A., Mezheraups I., Shvetsov P. (2006). Corporate Governance and Self-regulation in Institutional Changes System. Moscow: IEP Publ.]
- Юдаева К. (2011). Эффективность госрасходов в России. Обзор Центра макроэкономических исследований Сбербанка России. [Yudaeva K. (2011). Government Spending Efficiency in Russia. Review of the Center for Macroeconomic Studies, Sberbank. Moscow.]
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2005). Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / P. Aghion, S. Durlauf (eds.). Amsterdam: Elsevier.
- Aiyar S., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L. (2013). Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap // IMF Working Paper. No WP/13/71.

- Auty R.* (1993). *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. L.; N. Y.: Routledge.
- Barro R., Sala-i-Martin X.* (1992). *Convergence* // *Journal of Political Economy*. Vol. 100. P. 223–258.
- Blanchard O., Perotti R.* (2002). *An Empirical Characterization of the Dynamic Effects of Changes in Government Spending and Taxes on Output* // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117, No 4. P. 1329–1368.
- Blankenau W. F., Simpson N. B.* (2004). *Public Education Expenditures and Growth* // *Journal of Development Economics*. Vol. 73, No 2. P. 583–605.
- Devarajan S., Swaroop V., Zou H.* (1997). *The Composition of Public Expenditure and Economic Growth* // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 37, No 2. P. 313–344.
- Durlauf S., Johnson P., Temple J.* (2005). *Growth Econometrics* // *Handbook of Economic Growth* / P. Aghion, S. Durlauf (eds.). Amsterdam: Elsevier.
- European Commission* (2012). *The Quality of Public Expenditures in the EU* // *European Economy. Occasional Papers*. No 125.
- Giordano R., Momigliano S., Neri S., Perotti R.* (2008). *The Effects of Fiscal Policy in Italy: Evidence from a VAR Model* // *European Journal of Political Economy*. Vol. 23, No 3. P. 707–733.
- Giorno C., Richardson P., Roseveare D., van der Noord P.* (1995). *Estimating Potential Output, Output Gaps and Structural Budget Balances* // *OECD Economics Department Working Papers*. No 152.
- Griffith B.* (2011). *Middle-Income Trap* // *Frontiers in Development Policy* / R. Nallari, Sh. Yusuf, B. Griffith, R. Bhattacharya (eds.). Washington, DC: World Bank.
- Gylfason T.* (2007). *The International Economics of Natural Resources and Growth* // *Minerals and Energy*. Vol. 22, No 1–2. P. 7–17.
- Helpman E.* (2004). *The Mystery of Economic Growth*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- IMF* (1995). *Unproductive Public Expenditures: A Pragmatic Approach to Policy Analysis* // *IMF Pamphlet Series*. No 48.
- Ito T.* (2000). *Perspectives on Asian Economic Growth: Neoclassical Growth vs. Flying Geese Growth* // *East Asian Economic Growth with Structural Change: Neoclassical Growth Theory vs. Flying Geese Pattern* / T. Ito, T. Sonobe, A. Shibata, K. Fukao (eds.). Tokyo: Economic Research Institute.
- Mehlum H., Moene K., Torvik R.* (2006). *Institutions and the Resource Curse* // *Economic Journal*. Vol. 116, No 508. P. 1–20.
- Mokyr J.* (2005). *Long-term Economic Growth and the History of Technology* // *Handbook of Economic Growth* / P. Aghion, S. Durlauf (eds.). Amsterdam: Elsevier.
- Monacelli T., Perotti R.* (2008). *Fiscal Policy, Wealth Effect and Markups* // *NBER Working Papers*. No 14584.
- Mountford A., Uhlig H.* (2008). *What Are the Effects of Fiscal Policy Shocks?* // *NBER Working Papers*. No 14551.
- Perotti R.* (2004). *Estimating the Effects of Fiscal Policy in OECD Countries* // *Bocconi University Working Papers*. No 276.
- Rodrik D.* (2005). *Growth Strategies* // *Handbook of Economic Growth* / P. Aghion, S. Durlauf (eds.). Amsterdam: Elsevier.
- Sachs J. D., Warner A. M.* (1995). *Natural Resource Abundance and Economic Growth* // *NBER Working Paper*. No 5398.
- Sachs J. D., Warner A. M.* (1997). *Fundamental Sources of Longrun Growth* // *American Economic Review*. Vol. 87, No 2. P. 184–188.
- Sala-i-Martin X.* (1997). *I Just Ran Two Million Regressions* // *American Economic Review*. Vol. 87, No 2. P. 178–183.
- Solow R.* (1957). *Technical Change and Aggregate Production Function* // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 39, No 3. P. 312–320.
- Treisman D.* (2010). *Is Russia Cursed by Oil?* // *Journal of International Affairs*. Vol. 63, No 2. P. 85–102.

- Tanzi V., Zee H. (1997). Fiscal Policy and Long Run Growth // IMF Staff Papers. Vol. 44, No 2. P. 179–209.*
- World Bank (2006). Fiscal Policy for Growth and Development: An Interim Report. Background Paper for the Development Committee Meetings. Development Committee.*
- World Bank (2007). Fiscal Policy for Growth and Development: Further Analysis and Lessons from Country Case Studies. Background Paper for the Development Committee Meetings. Development Committee.*
- World Bank (2013). Is Fiscal Policy the Answer? A Developing Country Perspective / B. Moreno-Dodson (ed.). Washington, DC.*
-

Forming Sources of Long-run Growth: How to Understand Them?

Georgy Idrisov^{1,}, Sergey Sinelnikov-Murylev²*

Authors affiliation: ¹Gaidar Institute for Economic Policy; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ²Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia). *Corresponding author, email: idrisov@iep.ru.

The paper analyzes the inconsequence and problems of Russian economic policy to accelerate economic growth. The authors consider three components of growth rate (potential, Russian business cycle and world business cycle components) and conclude that in order to pursue an effective economic policy to accelerate growth, it has to be addressed to the potential (long-run) growth component. The main ingredients of this policy are government spending restructuring and budget institutions reform, labor and capital markets reforms, productivity growth.

Keywords: long-run economic growth, TFP, government spending restructuring.

JEL: O1, O4, H5, J2.